

ВАДИМ ЧЕКУНОВ

КИРЗА

Москва
T8 RUGRAM
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ч-37

Чекунов, В.

Ч-37 Кирза / В. Чекунов. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. – 318 с.

ISBN 978-5-519-65982-6

«Кирза» – это самая смешная и самая трагичная из всех книг, что написаны об армии на русском языке. Вадим Чекунов – и автор, и главный герой, попадающий в вооруженные силы со студенческой скамьи, – пристально наблюдает за собственным духовным перерождением. Каждому, кто сможет прочесть эту печальную книгу до конца, ни разу не рассмеявшись, издательство выражает глубокие соболезнования.

УДК 821.161.1-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-65982-6

© Вадим Чекунов, 2008
© Т8 RUGRAM, оформление, 2018

«Все это моя среда, мой теперешний мир, — думал я, — с которым хочу не хочу, а должен жить».

Ф.М. Достоевский.

«Записки из Мертвого дома»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ КАРАНТИН

1

В поезде пили всю ночь.

Десять человек москвичей — два плацкартных купе.

На боковых местах с нами ехали две бабки. Морщинистые и улыбочивые. Возвращались домой из Сергиева Посада. Угощали нас яблоками и вареными яйцами. Беспрестанно блюющего Серегу Цаплина жалели, называли «касатиком». В Вышнем Волочке они вышли, подарив нам три рубля и бумажную иконку. Мы добавили еще, и Вова Чурюкин отправился к проводнику.

Мордатый гад заломил за бутылку четвертной.

Матерясь, скинулись до сотки, взяли четыре. Все равно деньгам пропадать.

Закусывали подаренными бабками яблоками. Домашние припасы мы сожрали или обменяли на водку еще в Москве, на Угрешке — сборном пункте, где проторчали три дня.

Пить начали еще вечером, пряча стаканы от нашего «покупателя» — белобрысого лейтенанта по фамилии

Цейс. Цейс был из поволжских немцев, и в военной форме выглядел стопроцентным фрицем. Крылышки на тулье его фуражки напоминали фашистского орла.

Лейтенант дремал в соседнем купе.

К нам он не лез, лишь попросил доехать без приключений. Выпил предложенные сто граммов и ушел.

Нам он начинал даже нравиться.

Вагон — старый, грязный и весь какой-то раздолбанный. Тусклая лампа у туалета.

Я пытаюсь разглядеть хоть что-нибудь за окном, но сколько ни вглядываюсь — темень одна. Туда, в эту темень, уносится моя прежняя жизнь. Оттуда же, в сполохах встречных поездов, надвигается новая. Какая она будет? Я не знаю.

Понятно одно — не будет в ней ни знакомого шпиля университета, ни прогулок по смотровой площадке, ни посиделок под бутылку и разговоры о Гумилеве. Не будет знаменитых «Крестов» — общежития на Вернадского, споров о литературе, чтения стихов, портвейна из чашек и сладкого стона однокурсницы на узкой для двоих кровати. Ничего этого не будет.

Сережа Патрушев передает мне стакан. Сам он не пьет, домашний совсем паренек. Уже заскучал по маме и бабушке.

— Тебе хорошо, — говорит мне. — У тебя хоть батя успел на вокзал заскочить, повидаться. Я ведь своим тоже с Угрешки позвонил, и поезда номер, и время сказал. Да не успели они, видать... А хотелось бы — в последний раз повидаться.

Качаю головой:

— На войну что ли собрался?.. На присягу приедут, повидаетесь. Последний раз... Скажешь, тоже...

Водка теплая, прыгает в горле. Закуски совсем не осталось.

Рассвело рано и потянулись за окном серые домики и нескончаемые бетонные заборы, местами с кольцами ржавой «колючки» поверху. Ночью прошел дождь, все за окном отсырело. Лязгая, поезд медленно ползет мимо однообразных пакгаузов. На грязно-белой стене трансформаторной будки я вижу выведенную черной краской надпись: «Не жди чудес, блять!» и даже киваю в знак согласия с неизвестным автором. Постройки заканчиваются, и за окном возникает перрон неизвестной станции. Поезд проходит ее без остановки. Плывут в утренней пелене фонарные столбы, кривые скамейки, обшарпанная стена вокзальчика.

У самого конца перрона мы видим десятка два сидящих на корточках людей, с руками, сложенными на головах. Конвой возвышается над ними нелепыми истуканами. Рослый офицер в плащ-накидке стряхивает дождевые капли с планшета. На секунду он оборачивается, бросая раздраженный взгляд на наш поезд.

— О как... — задумчиво говорит кто-то из притихших наших. — Этим-то еще хуже...

Перрон обрывается, начинаются мокрые кусты и высокие штабеля черных шпал. Вдоль полотна бредет, опустив голову и хвост, тощая пегая собака с набухшими сосками.

— Блядь, надо бы выпить еще...

Зашевелились пассажиры, у туалета — толчея. Заглянул Цейс:

— Все живы? Отлично.

Поезд едва тащится.

Приперся проводник, начал орать и тыкать пальцем в газету, которой мы прикрыли блевотину Цаплина. Ушлый, гад, такого не проведешь.

Чурюкин посылает проводника так длинно и далеко, что тот действительно уходит.

Мы с облегчением смеемся. Все будет хорошо. Живы будем — не помрем! Кто-то откупоривает бутылку «Колокольчика» и по очереди мы отхлебываем из нее, давясь приторно-сладкой дрянью. «Сушняк, бя! Пивка бы...» — произносит каждый из нас ритуальную фразу, передавая бутылку.

Состав лязгает, дергается, снова лязгает и вдруг замирает.

Приехали.

Ленинград. Питер.

С Московского вокзала лейтенант Цейс отзвонился в часть.

Сонные и похмельные, мы угрюмой толпой спустились по ступенькам станции «Площадь Восстания».

Озирались в метро, сравнивая с нашим.

Ленинградцы, уткнувшись в газеты и книжки, ехали по своим делам.

Мы ехали на два года.

Охранять их покой и сон.

Бля.

В Девяткино слегка оживились — Серега Цаплин раздобыл где-то пива. По полбутылки на человека.

Расположившись в конце платформы, жадно заглатывали теплую горькую влагу. Макс Холодков, здоровенный бугай-борец, учил пить пиво под сигарету «по-пролетарски». Затыжка-глоток-выдох.

Лейтенант курил в сторонке, делая вид, что не видит.

Распогодилось. Лучи июньского солнца гладили наши лохматые пока головы.

Напускная удаль еще бродила в пьяных мозгах, но уже уползала из сердца. Повисали тяжкие паузы.

Неприятным холодом ныло за грудиной. Было впечатление, что сожрал пачку валидола.

Хорохорился лишь Криницын — коренастый и круглолицый паренек, чем-то смахивавший на филина.

— Москвичей нигде не любят! — авторитетно заявил Криницын. — Все зачморить их пытаются. Мне пацаны служившие говорили — надо вместе всем держаться. Ну, типа мушкетеров, короче: Кого тронули — не бздеть, всем подниматься! В обиду не давать себя! Как поставишь себя с первого раза, пацаны говорили, так и будешь потом жить...

До Токсово добирались электричкой.

Нервно смеялись, с каждым километром все меньше и меньше.

Курили в тамбуре до одурения. Пить уже никому не хотелось.

Там, на маленьком пустом вокзальчике, проторчали до вечера, ожидая партию из Клина и Подмосковья.

Не темнело непривычно долго — догорали белые ночи.

Под присмотром унтерштурмфюрера Цейса пили пиво в грязном буфете. Сдували пену на бетонный пол. Курили, как заведенные.

Сгребали последнюю мелочь. Чурюкин набрался наглости и попросил у Цейса червонец.

Тот нахмурился, подумал о чем-то и одолжил.

Ближе к темноте к нам присоединились две галдящие оравы — прибыли, наконец, подмосковные и клинчане.

Пьяные в сиську. Некоторые уже бритые под ноль. С наколками на руках. Урки урками.

Два не совсем трезвых старлея пожали руку нашему немцу.

Урки оказались выпускниками фрязинского профтехучилища. Знали друг друга не первый год. Держались уверенно.

Верховодил ими некто Ситников — лобастый, курносый пацан с фигурой тяжеловеса. В каждой руке он держал по бутылке портвейна, отпивая поочередно то из одной, то из другой.

Ожидая автобус из части, мы быстро перезнакомились и скорешились.

Кто-то торопливо допивал водку прямо из горла.

Кто-то тяжело, в надрыв, блевал.

Измученные ожиданием, встретили прибывший наконец автобус радостными воплями.

В выдавший виды «пазик» набились под завязку. Сидели друг у друга на коленях.

Лейтехи ехали спереди. Переговаривались о чем-то с водилой — белобрысым ефрейтором. Тот скалил зубы и стрелял у них сигареты.

По обеим сторонам дороги темнели то ли сосны, то ли ели.

Изредка виднелись убогие домики. Мелькали диковинные названия — Гарболово, Васкелово, Лехтуси...

Карельский перешеек.

Приехали.

Лучами фар автобус упирается в решетчатые ворота со звездами.

Из двери КПП выныривает чья-то тень.

В автобус втискивается огромный звероподобный солдат со штык-ножом на ремне. Ослабился, покивал молча, вылез и пошел открывать ворота.

Все как-то приуныли.

Даже Криницын.

Несколько минут нас везут по какой-то темной и узкой дороге. Водила резко выворачивает вдруг руль и ударяет по тормозам. Автобус идет юзом. Мы валимся на пол и друг на друга. Лейтенанты ржут и матерят водилу.

— Дембельский подарок! — кричит ефрейтор и открывает двери. — Добро пожаловать в карантин! Духи, вешайтесь! На выход!

Вот она — казарма. Темная, будто нежилая. Лишь где-то наверху слабо освещено несколько окон.

Мы бежим по гулкой лестнице на четвертый этаж.

Длинное, полутемное помещение. Пахнет хлоркой, хозяйственным мылом, и еще чем-то приторным и незнакомым.

Цейс и другие лейтехи куда-то пропали.

Мы стоим в одну шеренгу, мятые и бледные в свете дежурного освещения. Я и Холодков, как самые рослые, в начале шеренги.

Справа от нас — темнота спального помещения.

Там явно спят какие-то люди. Кто они, интересно...

Сержант — человек-гора. Метра под два ростом. Килограммов за сто весом. Голова — с телевизор «Рекорд». Листы наших документов почти исчезают в его ладонях.

Сонными глазами он несколько минут рассматривает то нас, то документы.

Наконец, брезгливо кривится, заводит руки за спину и из его рта, словно чугунные шары, выпадают слова:

— Меня. Зовут. Товарищ сержант. Фамилия — Рыцк.

Мы впечатлены.

Сержант Рыцк поворачивает голову в темноту с койками:

— Зуб! Вставай! Духов привезли!

С минуты там что-то возится и скрипит. Затем, растирая лицо руками, выходит тот, кого назвали Зубом.

По шеренге проносится шелест.

Зуб по званию на одну лычку младше Рыцка. И на голову его выше. Носатый и чернявый, Зуб как две кап-

ли воды похож на артиста, игравшего Григория Мелехова в «Тихом Доне». Только в пропорции три к одному.

Мы с Холодковым переглядываемся.

— Если тут все такие... — шепчет Макс, но Рыцк обрывает:

— За пиздеж в строю буду ебать.

Коротко и ясно. С суровой прямойю воина.

— Сумки, рюкзаки оставить на месте. С собой — мыло и бритва.

— А зубную пасту можно? — кажется, Патрушев.

— Можно Машку за ляжку! Мыло и бритва. Что стоим?

Побросали торбы на дощатый пол.

— Зуб, веди их на склад. Потом в баню.

— Нале-во!

— Понеслась манда по кочкам! — скалится кто-то из подмосковных и получает от Зуба увесистую оплеуху.

На складе рыжеусый прапорщик в огромной фуражке тычет пальцем в высокие кучи на полу:

— Тут портки, там кителя! Майки-трусы в углу! Головные уборы и портянки на скамье! За сапогами подходим ко мне, говорим размер, получаем, примеряем, радостно щеримся и отваливаем! Хули их по ночам привозят? — это он обращается уже к Зубу.

Тот пожимает плечами.

— Ни хера себе ты лапы отрастил! — рыжеусый роется в приторно воняющей куче новеньких сапог. — Где я тебе такие найду?!

У Макса Холодкова, несмотря на мощную комплекцию, всего лишь сорок пятый размер ноги. Он уже держит перед собой два кирзача со сплюсненными от долгого лежания голенищами.

Я поуже Макса в плечах, но мой размер — сорок восьмой.